

УДК 316.4:330.14.012

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ: ТЕОРИЯ И ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ

Батаева Екатерина Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»;

Попова Ольга Александровна – аспирант кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»

У статті представлені теоретичні основи та емпіричні показники феномена «соціокультурний капітал вимушених мігрантів». Соціокультурний капітал – це сукупність соціальних і культурних ресурсів соціальних акторів (як індивідів, так і соціальних груп/спільнот), які можуть бути використані для досягнення певних цілей, отримання прибутку та оптимізації соціальних позицій. Систематизовані емпіричні індикатори соціокультурного капіталу вимушених мігрантів, в результаті чого здійснено розрізнення показників сковуючого (bonding), поєднуючого (bridging) і зв'язуючого (linking) соціального капіталу, виявлені акціональні аспекти об'єктивованого модусу культурного капіталу, показники статичної та динамічної форм сертифікованого культурного капіталу, когнітивно-мовні аспекти інкорпорованої форми культурного капіталу, а також емпіричні показники культурно-просторової мобільності вимушених мігрантів.

Ключові слова: соціальний капітал, культурний капітал, конвертація, довіра, мережі знайомств, норми взаємності, інтелектуальна активність, просторова мобільність, вимушені мігранти.

В статье представлены теоретические основания и эмпирические показатели феномена «социокультурный капитал вынужденных мигрантов». Социокультурный капитал – это совокупность социальных и культурных ресурсов социальных акторов (как индивидов, так и социальных групп/общностей), которые могут быть использованы для достижения определенных целей, получения прибыли и оптимизации социальных позиций. Систематизированы эмпирические индикаторы социокультурного капитала вынужденных мигрантов, в результате чего осуществлено различение показателей сковающего (bonding), соединяющего (bridging) и связывающего (linking) социального капитала, выявлены акциональные аспекты объективированного модуса культурного капитала, показатели статической и динамической форм сертифицированного культурного капитала, когнитивно-языковые аспекты инкорпорированной формы культурного капитала, а также эмпирические показатели культурно-пространственной мобильности вынужденных мигрантов.

Ключевые слова: социальный капитал, культурный капитал, конвертация, доверие, сети знакомств, нормы взаимности, интеллектуальная активность, пространственная мобильность, вынужденные мигранты.

The article presents theoretical bases and empirical indicators of phenomenon of "sociocultural capital of reluctant migrants". Sociocultural capital is the aggregate of social and cultural resources of social actors (individuals as well as social groups/communities) that can be used to achieve certain goals, get profit and optimize social positions. The empirical indicators of the sociocultural capital of reluctant migrants are systematized. As a result, distinction between the indicators of bonding, bridging and linking social capital is carried out. Active aspects of objectified mode of cultural capital, indicators of static and dynamic forms of certified cultural capital, linguistic aspects of incorporated form of cultural capital as well as empirical indicators of cultural-spatial mobility reluctant migrants are revealed. The involuntary and voluntary forms of spatial mobility are defined: if in the first case, territorial movements are accompanied by negative human experiences, then in case of voluntary spatial mobility, a person experiences positive emotions and develops social and cultural competencies. Just voluntary forms of spatial mobility should be considered as an important indicator of sociocultural capital of reluctant migrants.

Keywords: social capital, cultural capital, conversion, trust, dating networks, norms of reciprocity, intellectual activity, spatial mobility, reluctant migrants.

Интенсификация миграционных процессов в мире, которым сопутствует массмедийная спектаклизация (spectatorship) их визуальных образов, рассматривается современными теоретиками как явление, соотносимое с феноменами глобализации и модерности и, более того, проясняющее их суть: как полагает А. Аппадурай, «миграция и масс-медиазация совместно конституируют новый смысл глобального как современного, и современного как глобального» [1, с. 10]. Международная и

внутригосударственная вынужденная миграция¹ создают множественные рисковые ситуации в современном обществе на макро-/мезо-/микро-уровнях, усиливая социальную нестабильность и активизируя деятельность различных акторов по их нейтрализации. Одной из наиболее актуальных проблем в современной теории вынужденной миграции признана сложность социальной адаптации мигрантов, сталкивающихся с необходимостью ресоциализации в новом социальном контексте, которая возникает вне зависимости от масштабов миграционных процессов (международных либо внутригосударственных). Эта проблема стала одной из наиболее актуальных и в современном украинском обществе вследствие возникновения вооруженного конфликта на Донбассе, инициировавшего массовый отток мигрантов из этой зоны. Эффективному протеканию социальной адаптации вынужденных мигрантов могут способствовать самые разные факторы, от объективных (к примеру, государственного финансирования проектов по обучению/переквалификации мигрантов с целью трудоустройства) до субъективных, таких как обладание социальными акторами развитым социокультурным капиталом.

Социокультурный капитал является итогом конвертации двух разновидностей капитала – социального и культурного – в результате резонансного взаимодействия которых образуется качественно новая форма капитальных ресурсов социальных акторов. Теория социального и культурного капитала была разработана в трудах П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Р. Патнема, Ф. Фукуямы, А. Портеса, Л. Арахуо, Е. Боксмана, П. Димаджио, П. де Граафа, Г. Истона, Е. Лаумана, С. Мура, Х. Флапа, Д. Нараян, М. Вулкока, Н. Лин, М. Феннемы, М. Ламонт, А. Лэруа и др. Значительный вклад в развитие теории социального и культурного капитала внесли отечественные исследователи А. Голиков, Г. Гуртовенко, О. Демкив, И. Дискин, П. Козырева, А. Коньков, В. Немировский, В. Радаев, В. Степаненко и др. Понятие социокультурного капитала ранее было использовано в контексте экономической теории человеческого капитала Г. Беккера [3; 4] и теории социологии культуры [5; 6]. Однако в современной социологии еще не были проанализированы особенности социокультурного капитала вынужденных мигрантов с использованием теории П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Р. Патнема, Дж. Урри и др. Целью данной статьи является концептуализация понятия «социокультурный капитал вынужденных мигрантов» в контексте теории конвертации капиталов П. Бурдьё, а также разработка системы эмпирических показателей для этого феномена.

П. Бурдьё в статье «Формы капитала» обстоятельно проанализировал возможности конвертации культурного и социального капиталов в экономический [7, с.60] и, наоборот, экономического в другие формы капиталов [7, с.71]. В то же самое время в тексте П. Бурдьё можно заметить указания на возможность иных вариантов конвертации капиталов². Так, в ситуации трансформации социальных связей в символы престижности и привилегированности позиции актора, социальный капитал может быть конвертирован в символический («само собой очевидно, что социальный капитал настолько всецело подчинен логике знания и признания, что всегда функционирует как символический капитал» [7, с.71]); аналогичным образом, культурный капитал может быть трансформирован в символический³. Тезисы о взаимной конвертации социального и культурного капитала можно обнаружить в разделе «Социальный капитал» статьи П. Бурдьё «Формы капитала», в котором концептуализирована возможность увеличения культурного капитала социального агента за счет аккумуляции культурных капиталов других индивидов, входящих в сеть его знакомств⁴. Социальное взаимодействие с обладателями богатого культурного капитала может стимулировать социальных акторов развивать и наращивать свои собственные культурные ресурсы, углублять и расширять горизонты/масштабы собственного культурного понимания/видения. И, наоборот, культурный капитал, которым владеет конкретный социальный актор, может позволить ему устанавливать определенные (полезные) связи с другими агентами, занимающими престижные культурные и социальные позиции в обществе, что, в свою очередь, будет способствовать расширению/усилению его личного социального капитала. Культурный капитал, в определенном смысле,

¹ Вынужденная миграция – это миграционные потоки, причиной которых является угроза жизни или благосостоянию людей вследствие природных, техногенных или политических (например, войны и межнациональные конфликты) причин.

² Как подчеркивает В. Радаев, «капитал предстает как динамический ресурс, и его четвертое свойство раскрывается в способности к *конвертации* – постоянной смене собственных форм. Более того, он воспроизводится именно благодаря смене своих форм, их взаимному превращению» [8, с.21]; «кругооборот капитала может происходить между любыми другими формами капитала. Иными словами, все капиталы обладают способностью *взаимной конвертации* [8, с.30]; «чем больше капитал данного вида, тем легче накапливать другие виды капитала. ... Поистине, капитал тянется к капиталу» [8, с.30].

³ «Культурный капитал предрасположен функционировать в качестве символического капитала, то есть оставаться непризнанным в качестве капитала и признаваться в качестве легитимной компетенции, в виде силы, влияющей на узнавание (или неузнавание). ... Более того, специфическая символическая логика различения приносит дополнительную материальную и символическую прибыль обладателям крупного культурного капитала» [7, с.62].

⁴ «Объем социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан» [7, с.66-67].

порождает гомоморфные социальные сети, в которые включены социальные акторы с похожими культурными показателями (похожим образованием, вкусами, культурными предпочтениями и т. п.). С обладателями богатого культурного капитала многие социальные акторы могут пожелать вступить в социальное взаимодействие, таким образом культурный капитал может непреднамеренно стимулировать накопление социального капитала⁵.

Используя в качестве концептуальной основы определение социального капитала А. Портеса («социальный капитал – это способность акторов получать прибыль благодаря членству в социальных сетях или других социальных структурах» [9, с.6] и «ресурсное»⁶ определение социального капитала П. Бурдье («социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализованных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [7, с.68]), будем оперировать следующим определением социокультурного капитала: социокультурный капитал – это совокупность социальных и культурных ресурсов социальных акторов (как индивидов, так и социальных групп/общностей), которые могут быть использованы для достижения определенных целей, получения прибыли и оптимизации социальных позиций. Социокультурный капитал не является статичной конструкцией – он может менять конфигурацию в зависимости от того, кто именно является его владельцем и в каком именно социальном контексте осуществляется его воспроизводство. Подобная гибкость феномена культурного капитала была концептуализирована украинским исследователем А. Голиковым, по мнению которого культурный капитал может быть наполнен различным содержанием в разных исторических, социальных и феноменологических контекстах [11] (так, понятие «культурного капитала студенчества» может включать в себя такие значения – академическая успешность, планы относительно поступления в аспирантуру – которые будут незначимы при определении культурного капитала, к примеру, профессиональных актеров кино). М. Ламонт и А. Лэруа (Lamont M., Lareau A.) продемонстрировали зависимость культуры от контекста обитания определенного этноса⁷, выявив отличия в культурном капитале американцев и французов [12, с.161]. В нашем исследовании будут рассмотрены специфические особенности концепта «социокультурный капитал вынужденных мигрантов» и выявлены эмпирические индикаторы для этого феномена, которые, возможно, будут уже не вполне актуальны в ситуации анализа «социокультурного капитала» других социальных групп/акторов. Хотя в современной социологии признана возможность изучения культурного и социального капитала как на индивидуальном, так и на групповом уровне⁸ [7; 9; 13; 14; 15; 16], в нашем исследовании сосредоточимся на изучении индивидуального социокультурного капитала вынужденных мигрантов, оказывающим влияние на их адаптацию к новому социокультурному окружению.

Поскольку социокультурный капитал является результатом резонансного взаимодействия культурного и социального капиталов акторов, он включает в себя значения и эмпирические индикаторы обеих этих категорий, к числу которых принадлежат выделенные П. Бурдье, Р. Патнемом и Д. Коулманом доверие (межличностное и институциональное), членство в социальных сетях, нормы взаимной поддержки, образованность, культурные навыки и компетенции. На наш взгляд, в концепт «социокультурный капитал вынужденных мигрантов» необходимо включить еще один показатель – культурно-пространственную мобильность (Д. Урри), то есть склонность (и даже привычку или габитус) к пространственным перемещениям с целью культурно-рекреационного развития, предполагающей возможность изменения пространственных идентификаций актора. Рассмотрим перечисленные индикаторы применительно к феномену вынужденной миграции.

«Вынужденные мигранты», покинувшие привычное место жительства вследствие объективных обстоятельств (а не по причине заранее запланированных решений), перемещаются в новый социальный контекст с минимальным по объему социальным капиталом, который в лучшем случае (если речь идет о миграции семьи или нескольких дружественных семей) включает в себя семейные сетевые контакты. Если различать три формы социального капитала – скрывающий (bonding) [17, с.66-73], соединяющий (bridging) и контактный/связывающий (linking) [18], то можно будет предположить, что вынужденные мигранты

⁵ «Социальный капитал, проистекающий из тех или иных отношений, значительно больше в том случае, если человек – субъект данных отношений – богат наделен капиталом (прежде всего социальным, но также культурным и экономическим)» [7, с.68].

⁶ А. Голиков тематизировал различие понятий «ресурс» и «капитал», используя теорию М. Сзвэджа, А. Вэрда, Ф. Дивайн и Э. Внук-Липински: «ресурс является капиталом лишь тогда, когда выполняет функцию ренты, получения прибыли; для превращения ресурсов в капитал необходим определённый уровень институционализации капитала» [10, с.57].

⁷ «Такие особенности американского общества, как высокая социальная и географическая мобильность, сильный культурный регионализм, этническое и расовое многообразие, политическая децентрализация и относительно слабые традиции высокой культуры показывают, что культура в США не столь сильно дифференцирована, как во Франции» [12, с.161].

⁸ Если Дж. Колуман и Р. Патнем в большей степени были сосредоточены на изучении социального капитала на макроуровне (как совместно произведенного продукта, из которого может извлечь выгоду целое сообщество), то П. Бурдье и Т. Лин изучали социальный капитал скорее на индивидуальном уровне.

сохраняют «сковывающий» (bonding) социальный капитал, аккумулированный в семье или в дружественных сетях и предполагающий безусловное («вынужденное») доверие и поддержку в силу родственности/близости отношений; отчасти теряют «соединяющий» (bridging)⁹ социальный капитал (предполагающий связи с приятелями, сотрудниками, членами разнообразных организаций или клубов по интересам), за исключением Интернет-сообществ, членство в которых не привязано к определенной территории; отчасти теряют «контактный/связывающий» (linking) социальный капитал (сутью которого являются вертикальные социальные связи с акторами, занимающими властные позиции – начальством, профессиональной элитой, городской администрацией и т. п.). Если использовать терминологию М. Грановеттера и М. Вулкока, можно сказать, что вынужденные мигранты «привозят» с собой «сильные» внутригрупповые/семейные связи, при этом теряя (или максимально ограничивая) «слабые» внегрупповые сетевые контакты [20; 21, с.28], которые были установлены в покинутом социальном пространстве. По мнению М. Грановеттера и М. Вулкока, именно «слабые» сетевые контакты, которые устанавливаются на межгрупповом или внегрупповом уровне между мало знакомыми, разными и примерно равными по статусу социальными акторами (соединяющий (bridging) капитал), а также вертикальные «слабые» связи с акторами, занимающими властные позиции (контактный/связывающий (linking) капитал) в большей мере, нежели «сильные» семейные/дружественные внутригрупповые связи (сковывающий (bonding) капитал), способствуют социальной адаптации и информированию¹⁰ социальных акторов. Соответственно, перед вынужденными мигрантами как обладателями «нарушенного»¹¹ или поврежденного социального капитала встает задача восстановить или накопить/аккумулировать¹² новый социальный капитал в новом социальном контексте, вступив в социальные организации, клубы, профессиональные союзы, установив вертикальные и горизонтальные связи с окружающими людьми на новом месте жительства. Для установления новых социальных связей и контактов вынужденным мигрантам понадобится время¹³, поэтому участвовать в исследовании влияния социокультурного капитала на процесс социальной адаптации желательно лишь тем вынужденным мигрантам, которые прожили на новом месте не менее полугода. Первые месяцы многие вынужденные мигранты проводят в надежде вернуться домой и по этой причине поддерживают только старые «сильные» семейные/дружественные связи или, в крайнем случае, устанавливают новые связи с земляками/собратьями по несчастью, не считая нужным укореняться на новом месте жительства. Кроме того, в первые месяцы вынужденные мигранты находятся в состоянии стресса, что способствует их «капсулированию» и затрудняет коммуникацию с внешним миром. Можно предположить, что в первые месяцы вынужденной миграции имеет место перекося в сторону «сковывающего» социального капитала, который в слабой степени способствует социальной адаптации.

Как полагает М. Вулкок, связывающий (Linking) капитал является результатом слабых межгрупповых отношений, однако ему сопутствуют ценные эффекты, ведь связывание/контактирование (Linking) обеспечивает доступ к властным структурам и институтам, предоставляющим определенные статусные гарантии; в отличие от сковывающего (bonding), соединяющий и связывающий (bridging and linking) виды капитала характеризуются экспозицией и развитием новых идей, ценностей и перспектив [18]. С другой стороны, как продемонстрировали Р. Хокинс и К. Маурер (R. Hawkins, K. Maurer), в экстраординарных ситуациях (таких, как природные или социальные катастрофы) именно сковывающий (bonding) капитал, накопленный в семье и сообществе друзей, помогает социальным акторам справиться с травматическим воздействием обстоятельств: «сковывающий (bonding) социальный капитал оказался особенно актуальным при оказании материально-технической помощи во время и после шторма и наводнения в Новом Орлеане. ... Мы заметили силу сковывающего (bonding) социального капитала в том,

⁹ «Соединяющий» (bridging) социальный капитал соотносится с коммуникативной солидарностью [19], тогда как «сковывающий» (bonding) социальный капитал сопоставляется с нормативной/механической солидарностью, а «контактный/связывающий» (linking) социальный капитал предполагает структурную/органическую солидарность.

¹⁰ «Важная форма социального капитала – возможность получения информации, которая свойственна социальным отношениям. Информация имеет большое значение для действия. Но приобретение информации – дело дорогостоящее. Одно из средств этого – использование социальных отношений, устанавливающихся для других целей» [22, с.128].

¹¹ Как утверждает Д. Коулман, «в семьях, которые часто переезжают, социальные отношения, образующие социальный капитал, нарушаются при каждом переезде. Вне зависимости от степени межпоколенческой замкнутости, социальный капитал, доступный другим в данном сообществе, недоступен родителям часто переезжающих семей» [22, с.135]. Аналогичный вывод предложил Р. Патнем: «мобильность, подобно частой пересадке растений, влечет за собой разрушение корневой системы» [Курсив наш. – Автор], и лишенному корней человеку требуется время, чтобы пустить новые корни» [17, с.74].

¹² По мнению В. Радаева, «первое свойство капитала состоит в том, что он выступает как ограниченный ресурс. Другим свойством капитала выступает его способность к накоплению – это ресурс не только сохраняемый, но и пополняемый» [8, с.21].

¹³ Как утверждает П. Бурдьё, «среди всех свойств, которые предполагает легитимное занятие определенного места, имеются такие, которые приобретаются лишь при длительном занятии этого места и при продолжительном посещении его законных обитателей: очевидно, это случай социального капитала связей (в особенности, таких привилегированных, как дружба с детства или с юношеских лет) или всех тех наиболее тонких аспектов культурного и лингвистического капитала, как манера держаться, акцент и т. п.» [24, с.50].

что он помог людям объединить ментальные и физические ресурсы для выживания во время бури. Сковывающий (bonding) социальный капитал сыграл важную психологическую роль в развитии стрессоустойчивости» [23, с.1788-1789]. Можно предположить, что и для вынужденных внутренних мигрантов в Украине, которые прошли через тяжелый опыт войны и разрушения привычного образа жизни, именно сковывающий (bonding) социальный капитал может оказаться более актуальным в силу его способности возрождать, укреплять силы в борьбе за выживание (surviving) в экстремальных жизненных контекстах¹⁴. Кроме того, как показал Р. Патнем, наличие семьи и детей может стимулировать социальную активизацию акторов («состоящие в браке и имеющие детей представители среднего класса в целом более социально вовлечены, чем другие люди» [17, р.75]), то есть сковывающий (bonding) социальный капитал может при определенных обстоятельствах оказывать влияние на воспроизводство и аккумуляцию других видов социального капитала. В дальнейшем, в результате проведения эмпирического исследования попробуем выяснить, какая именно форма социального капитала (bonding, bridging или linking) или, лучше сказать, какая комбинация этих форм капиталов и на каком этапе миграции (начальном или этапе стабилизации) в большей степени способствует социальной адаптации вынужденных мигрантов. Кроме того, выясним, как различные формы социального капитала соотносятся с разным культурно-образовательным уровнем вынужденных мигрантов, как они коррелируют с культурным капиталом социальных акторов.

Силу и размеры всех трех разновидностей социального капитала можно измерить с помощью параметров, выделенных П. Бурдье, Р. Патнемом и Дж. Колуманом – силой доверия, нормами взаимности и членством в социальных сетях: «социальный капитал относится к особенностям социальной организации, таким как сети, нормы и доверие, которые облегчают координацию и сотрудничество для взаимной выгоды» [13, с.35]. Эти параметры будем рассматривать не на макро-уровне (уровне изучения социального капитала сообществ), а на микро-уровне – уровне изучения социального капитала отдельных индивидов, хотя эти уровни невозможно абсолютно разделить (так, согласно Ф. Фукуяме, доверие является культурным феноменом, наследуемым на коллективном уровне: если в конкретном сообществе сложилась культура недоверия на макро-уровне, она будет бессознательно усвоена членами сообщества в процессе социализации на микро-уровне, и наоборот).

Будем использовать определение доверия, предложенное Ф. Фукуямой: «доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [26, с. 6]. В современной социологии различают три формы доверия – партикуляризованное/персонализированное доверие (particularized или personalised trust) [27], то есть доверие к близким людям, членам семьи и друзьям, обладающим сходными социально-культурными показателями; генерализованное доверие (generalized trust) [27] – доверие к незнакомым людям, обладающим несходными социально-культурными показателями; институционализированное доверие (institutional trust) [28] – доверие к представителям различных общественных организаций и органов власти. Поскольку Украина является обществом с низким уровнем институционального доверия, средним уровнем генерализованного и высоким уровнем партикуляризованного доверия¹⁵, можно предположить, что уровень генерализованного и институционального доверия вынужденных мигрантов не будет высоким, а скорее всего будет заниженным вследствие воздействия дополнительных негативных факторов (войны, социальной и экономической нестабильности, жизненной неопределенности), за исключением партикуляризованного доверия (доверия к членам семьи, близким друзьям), которое не должно значительно отличаться от уровня соответствующего вида доверия в Украине.

Согласно Р. Патнему, низкий уровень доверия не может способствовать росту социального капитала акторов, ведь «социальное доверие и гражданское участие сильно коррелируют; чем больше плотность ассоциированного членства в обществе, тем более доверительны его граждане. Доверие и участие – два аспекта одного и того же основного фактора – социального капитала» [17, с.73]. Однако в более поздних социологических исследованиях была выявлена неоднозначная связь между этими феноменами: как продемонстрировали Ф. Адам и Д. Подменик, «снижение общего доверия не ведет к уменьшению активного членства, и наоборот (как это предполагают теоретические положения Патнема). В

¹⁴ В подтверждение этого предположения, в исследовании Д. Сандерса и В. Ни показано, что именно семья играет важнейшую роль в экономическом становлении трудовых мигрантов, обеспечивая им возможность создания семейного бизнеса [25, с.233].

¹⁵ Согласно результатам всеукраинского мониторинга 2015 г., около 94% украинцев доверяют своей семье и родственникам (партикуляризованное доверие), около 52% доверяют соотечественникам и соседям (генерализованное доверие), около 56% доверяют коллегам, около 50% доверяют церкви, около 59% доверяют волонтерам, что же касается доверия судам, полиции, депутатам, президенту, правительству, политическим партиям, банкам (институциональное доверие), то оно не превышает 17%, то есть находится на очень низком уровне [29].

некоторых случаях (прежде всего в скандинавских странах) наблюдалось совпадение, в других примерах – расхождение с теоретическими предположениями¹⁶ [30, с.41]. Поэтому заранее невозможно предположить, каким может быть уровень социального участия вынужденных мигрантов в Украине на фоне (предположительно) невысокого социального доверия.

Второй выделенный Р. Патнемом и Дж. Коулманом показатель социального капитала – «нормы взаимности» – означает, что социальные акторы готовы действовать, учитывая интересы других людей; в обмен на оказанные услуги и помощь они готовы совершить аналогичные действия и адресовать их нуждающимся в помощи. Как полагает У. Стоун, взаимность – это процесс социального обмена услугами и действиями между социальными акторами, предполагающего, что оказанная помощь или услуга будет спустя время «возвращена» теми, кто смог ее получить ранее [31]. В разных социальных сетях (формальных или неформальных) нормы взаимности имеют разный характер, силу и устойчивость. Так, в семье или дружеских сообществах, в которых имеет место долгосрочный, стабильно осуществляемый и регулярный обмен помощью и услугами, нормы взаимности будут более прочными, надежными и гибкими, чем в социальных сетях с менее регулярными и краткосрочными контактами. При этом взаимопомощь или обмен полезными действиями может осуществляться немедленно или в отсроченном режиме (с отсрочкой во времени); прямо или косвенно [31].

Третий показатель – «членство в сетях» – может быть представлен в приватном пространстве (наличие семейного сообщества) и публичном пространстве (членство в религиозных, спортивных, профессиональных, политических, волонтерских, благотворительных и т. д. добровольных организациях, а также во властных структурах). Целесообразно использовать еще один показатель социального капитала – «социальное якорение/привязанность», предложенный А. Боулин – который измеряется количеством времени (месяцы/годы), в течение которого человек проживает на определенной территории, состоит в знакомстве с соседями или принимает участие в деятельности различных сообществ [33, с.102].

Измерение каждой из трех форм социального капитала можно осуществить с помощью следующих индикаторов:

– скрывающий (bonding) социальный капитал предполагает: партикуляризованное/личностное доверие; наличие семьи; частоту контактов с членами семьи, друзьями; взаимопомощь и взаимопонимание с ними (bonding/нормативная солидарность); нормы взаимности, которые можно измерить с помощью следующих вопросов: «Доверяете ли Вы окружающим людям: 1) не доверяю никому, кроме себя; 2) доверяю только близким родственникам и друзьям; 3) доверяю всем знакомым людям». «Как часто Вы общаетесь с друзьями, которых приобрели еще до переезда: 1) ни разу после переезда; 2) реже одного раза в месяц; 3) 2-3 раза в месяц; 4) каждую неделю; 5) 2 раза в неделю и чаще». «Как часто Вы общаетесь с друзьями, которых приобрели после переезда: 1) реже одного раза в месяц; 2) 2-3 раза в месяц; 3) каждую неделю; 4) 2 раза в неделю и чаще». «Вы переехали вместе с семьей? 1) я не состою в браке; 2) переехал/а один/одна, остальные члены семьи остались; 3) переехал/а с детьми, муж/жена остались; 4) переехала вся семья, остались пожилые родители; 5) переехала семья в полном составе». «Все члены семьи, которые переехали, живут в одном месте после переезда? 1) да; 2) нет». «Оказываете ли Вы помощь своим друзьям и близким? 1) помогаю регулярно; 2) помогаю иногда, когда есть возможность; 3) нет возможности помогать». «Оказывают ли Вам помощь Ваши друзья и близкие? 1) да; 2) нет»;

– соединяющий (bridging) социальный капитал предполагает: генерализованное доверие (generalized trust) ко всем людям; активное и пассивное, формальное и неформальное членство в религиозных, политических, волонтерских, спортивных, общественных, благотворительных, экологических организациях (реальных или виртуальных)¹⁷; частоту посещения этих организаций; готовность вступать в коммуникацию с инакомыслящими людьми (коммуникативная солидарность [19]); нормы взаимности (желание не только получать помощь от других, но и самому оказывать ее окружающим людям), которые можно измерить с помощью следующих вопросов: «Доверяете ли Вы незнакомым людям: 1) не доверяю; 2)

¹⁶ Аналогичный вывод предложил украинский исследователь Ю. Серета: «окрім компоненти соціального капіталу не завжди напряму пов'язані між собою. Наприклад, в українському контексті активна громадська участь не характеризує людей з більш високим рівнем соціальної довіри та навпаки, проте є джерелом довіри до інститутів. ...Активна комунікація у неформальних мережах не обов'язково зміцнює міжгрупову соціальну солідарність, а громадська участь може бути лише прикладом формального, декларованого членства, що не стимулює розвиток довіри та подолання дезінтегрованості» [32, с.170].

¹⁷ В данном случае речь идет о добровольном, никем не навязанном желании вступать в различные организации и о готовности выполнять в них работу безвозмездно, то есть без денежного вознаграждения; в данном случае уместно использовать понятие Ф. Фукуямы «спонтанная социализированность», предполагающем стремление социальных акторов спонтанно создавать добровольные организации и сообщества: «спонтанная социализированность (spontaneous sociability) – понятие, входящее в понятие социального капитала. В любом современном социуме организации находятся в постоянном процессе возникновения, изменения и распада. Поэтому наиболее полезным типом общественного капитала является не способность успешно действовать в рамках того или иного устоявшегося сообщества или коллектива, а способность создавать новые объединения и новые рамки взаимодействия» [26, с.7].

доверяю только тем, кто доказал, что ему можно доверять; 3) доверяю изначально всем, пока человек не показал себя не порядочным; 4) доверяю всем членам организации или сообщества, которое готово мне помогать; 5) доверяю всем людям». «Являетесь ли Вы на данный момент членом какой-либо общественной организации? 1) религиозной организации; 2) спортивной организации; 3) культурно-просветительной организации; 4) политической партии; 5) организации по охране окружающей среды; 6) профессионального общества; 7) благотворительной организации; 8) волонтерской организации; 9) любой другой организации». «Насколько часто Вы участвуете в деятельности организации, в которой состоите: 1) являюсь учредителем организации; 2) работаю в организации постоянно; 3) участвую в отдельных мероприятиях 1-2 раза в неделю; 4) участвую в мероприятиях несколько раз в месяц или реже; 5) работаю в отдельных проектах; 6) принимаю участие только финансово; 6) состою в организации только формально; 7) не состою ни в каких организациях». «Получаете ли Вы помощь от общественных/негосударственных организаций? 1) получаю; 2) не получаю, потому что не предлагают; 3) не получаю, потому что не хочу». «Оказываете ли Вы помощь незнакомым людям? 1) не оказываю; 2) оказываю самостоятельно; 3) оказываю в качестве члена общественной организации»;

– контактный/связывающий (linking) социальный капитал предполагает: институционализированное и генерализованное доверие (доверие ко всем людям, а также к представителям различных органов власти); наличие работы, формальное членство в профессиональных организациях, органах власти; linking/структурную солидарность (предполагающую наличие разделяемых всеми норм честного поведения); нормы взаимности (профессиональная/функциональная взаимопомощь), которые можно измерить с помощью следующих вопросов: «Доверяете ли вы следующим организациям и институтам: 1) государственным организациям, призванным оказывать помощь вынужденным переселенцам; 2) полиции; 3) СБУ; 4) армии; 5) медицинским учреждениям; 6) религиозным организациям; 7) украинским общественным организациям и благотворительным фондам; 8) международным организациям и благотворительным фондам; 9) волонтерам». «Имеете ли Вы работу? 1) я работаю по найму постоянно, более 6 месяцев; 2) я предприниматель/самозанятое лицо; 3) работаю непостоянно; 4) являюсь безработным/ой». «Если у Вас есть постоянная работа, участвуете ли вы в жизни коллектива? 1) я просто зарабатываю деньги; 2) я являюсь членом профсоюза; 3) стараюсь активно участвовать в жизни коллектива, помогаю сотрудникам, провожу с ними свой досуг; 4) являюсь организатором коллективных мероприятий». «Сотрудничаете ли Вы с органами власти? 1) я работаю в органах власти; 2) я сотрудничаю с органами власти в рамках своей профессиональной деятельности; 3) я взаимодействую с органами власти в рамках работы в общественной организации; 4) я пытаюсь контролировать органы власти; 5) не хочу иметь ничего общего с органами власти».

Рассмотрим теперь эмпирические индикаторы культурного капитала, которые входят в концепт социокультурного капитала вынужденных мигрантов. Имея в виду три аспекта культурного капитала, описанные П. Бурдьё, – инкорпорированную, объективированную и сертифицированную/институционализированную формы культурного капитала – сделаем предположение, что объективированный модус культурного капитала (включающий в себя «материальные предметы и средства – письменные документы, картины, книги, памятники, инструменты и т.д. – которые могут передаваться материально» [7, с.63]) в самой малой степени может характеризовать состояние культурного капитала вынужденных мигрантов, которые не могут перевезти с собой на новое место жительства все указанные вещественные атрибуты (которые вообще могут быть утрачены в условиях социальной катастрофы). Если же учесть акциональные показатели объективированного модуса культурного капитала, выделенные П. де Граафом, Д. Нобелем, П. Девисом, такие как «частота посещения культурных заведений (театров, музеев, выставок, естественно-научных музеев, исторических, художественных музеев, галерей современного искусства, кинотеатров, консерватории, филармонии), литературные, художественные и визуальные предпочтения и практики» [34], то можно будет предположить, что для социальной адаптации вынужденных мигрантов подобные практики могут иметь важное значение, особенно если они были для них актуальными до момента миграции, на предыдущем месте жительства. Культурные акциональные практики могут помочь вынужденным мигрантам «освоить» новый социальный локус, прочувствовать новое культурное пространство как «свое собственное» и привычное. Для измерения акционального модуса объективированного культурного капитала можно использовать следующие вопросы: «Участвуете ли Вы в культурной жизни города/села, в который переехали? 1) посещаю музеи, театры, филармонии; 2) посещаю культурные мероприятия, концерты, фестивали; 3) посещаю творческие мастер-классы, клубы по интересам, спортивные секции; 4) являюсь организатором культурных мероприятий; 5) не посещаю ничего из перечисленного». «Посещали ли Вы культурные мероприятия до переезда? 1) посещал/а музеи, театры, филармонию; 2) посещал/а концерты, фестивали; 3) посещал/а творческие мастер-классы, клубы по интересам, спортивные секции; 4) являлся/лась организатором культурных мероприятий; 5) не посещал/а ничего из перечисленного». «Насколько важно для Вас участие в культурной жизни города/села,

в который Вы переехали? (измеряется по пятибалльной шкале) 1) очень важно; 2) скорее важно; 3) затрудняюсь сказать, важно или нет; 4) скорее не важно; 5) не важно».

Институционализированное (сертифицированное) состояние культурного капитала предполагает «объективацию культурного капитала в форме академических квалификаций», оно «санкционировано академическими средствами при помощи юридически гарантированных квалификаций, формально независимых от личности их обладателя», прибыльность которых определяется «дефицитностью академической квалификации» [7, с.65]. Измерение сертифицированной формы культурного капитала предполагает выяснение уровня образования мигрантов (наличие сертификатов), уровня квалификации, наличие ученой степени. Помимо указанных аспектов, которые можно назвать «статическими», следует учесть наличие готовности мигрантов к переобучению на новом месте жительства («динамическая» форма сертифицированного культурного капитала), что может проявиться в желании пройти дополнительные курсы по получению новой специальности, в стремлении повысить квалификацию, поступить в вузы/техникумы на очное/заочное отделение или получить второй диплом о высшем образовании (речь идет как о формальном, так и о неформальном образовании). Указанные характеристики можно измерить с помощью следующих вопросов: «Какой уровень образования у Вас был до переезда? 1) неполное среднее; 2) среднее; 3) среднее специальное; 4) неполное высшее; 5) высшее; 6) кандидат наук; 7) доктор наук». «Нашли ли Вы работу по специальности после переезда? 1) да; 2) нет; 3) частично, использую свой уровень квалификации в новой профессии». «Проходили ли Вы обучение/переквалификацию, закончили ли курсы повышения квалификации после переезда? 1) получил второе высшее образование; 2) получил второе средне-специальное образование; 3) прошел профессиональное обучение и получил сертификат негосударственного образца; 4) прошел курсы обучения без сертификации; 5) продолжаю учиться; 6) не проходил никакого обучения». «Если Вы проходили обучение или продолжаете учиться, нашли ли Вы новую работу по профилю обучения? 1) да; 2) нет; 3) частично использую новые знания, но работаю не по профилю обучения».

Инкорпорированное состояние (embodied state) культурного капитала, являющееся результатом работы социального актора над своим духовным, интеллектуальным, эстетическим внутренним миром в течение всей жизни, заключено в его теле (corpus) и по этой причине неотчуждаемо от него [7, с.61]. Инкорпорированное состояние культурного капитала проявляется в таких когнитивных формах, как поисковая информационная активность, стремление к получению новых знаний, умение их систематизировать и обобщать, склонность к саморазвитию, которые напрямую не связаны с образованностью человека (наличие сертификата об окончании вуза не всегда коррелирует со стремлением к самосовершенствованию и, наоборот, человек не имеющий сертификатов и научных степеней может испытывать «духовный и интеллектуальный голод» и усиленно работать над совершенствованием своего внутреннего мира). Можно согласиться с А. Ботезат, что, когда речь идет об иммигрантах, более правильно сосредоточиться на когнитивных способностях как показателях культурного капитала¹⁸, нежели на акциональном участии в культурной жизни «принимающего общества» [35, с.62]. Можно расширить этот тезис и использовать его не только по отношению к внешним мигрантам (иммигрантам, попавшим в инокультурную среду), но и к мигрантам вообще (в том числе и к внутренним мигрантам), для социальной адаптации которых наиболее важной является способность накапливать и перерабатывать актуальную для их нового статуса информацию. В данном контексте целесообразно применить предложенный П. Димаджио, Н. Большаковым, Н. Ковалиско и Р. Савчинским показатель субъективной самооценки вынужденными мигрантами уровня своего кругозора, начитанности, эрудированности и языковой компетентности (грамотности речи, обширности словарного запаса), «обладания важными на рынке труда специальными умениями (к примеру, знанием иностранного языка и компьютера), который измеряется по пятиступенчатой шкале» [36, с.27; 34]. Для измерения инкорпорированного модуса культурного капитала можно использовать следующие вопросы: «Отметьте способы поиска информации, которые Вы традиционно используете: 1) использую информацию, которую мне предоставляют окружающие; 2) активно ищу информацию в Интернете и других открытых источниках; 3) расспрашиваю знакомых; 4) обзваниваю или прихожу лично в организации, которые должны владеть такой информацией; 5) у меня достаточно знаний, не считаю нужным заниматься поиском информации». «Оцените уровень своей компетентности и эрудиции (оценивается по пятибалльной шкале «полностью согласен – скорее согласен – затрудняюсь сказать, согласен или нет – скорее не согласен – не согласен»): 1) я эрудированный человек, мои знакомые часто со мной советуются; 2) я эксперт в своей области, специалист высокого уровня; 3) я хорошо разбираюсь в классическом и современном искусстве (живописи, поэзии, литературе,

¹⁸ А. Ботезат использовала в качестве показателей культурного капитала иммигрантов «образование родителей, язык, на котором они говорят дома, обладание культурными объектами и образовательными ресурсами, а также количество книг в домашнем хозяйстве» [35, с.62].

архитектуре, музыке); 4) я в совершенстве владею английским (другим иностранным) языком; 5) я в совершенстве владею родным языком (грамотно пишу, точно излагаю свои мысли); 6) я начитанный человек; 7) я владею навыками коммуникации, самопрезентации, ведения переговоров; 8) я хорошо умею искать и анализировать новую информацию; 9) я хорошо владею компьютером». «Какую информацию Вы ищете в Интернете: 1) художественную литературу; 2) профессиональную литературу; 3) информацию о возможностях для переселенцев; 4) музыку; 5) фильмы; 6) информацию о товарах и продуктах питания; 7) информацию о скидках и акциях в магазинах; 8) информацию о лекарствах; 9) информацию о путешествиях и туристических поездках; 10) новости; 11) информацию о жизни известных людей; 12) познавательную информацию; 13) другое».

Рассмотрим еще один показатель – культурно-пространственную мобильность (Д. Урри) (или склонность/привычку к пространственным перемещениям с целью культурно-рекреационного развития, предполагающим возможность изменения пространственных идентификаций актора), который, как было заявлено выше, необходимо добавить к перечню эмпирических индикаторов социокультурного капитала вынужденных мигрантов. Ранее в социологии миграции использовали понятие мобильности, сформулированное в контексте теории П. Сорокина (в значении социальной горизонтальной или вертикальной мобильности, соотношенной с географическими перемещениями мигрантов). В нашем исследовании будем рассматривать понятие мобильности в контексте социологии мобильности Дж. Урри, который акцентировал важность буквальной интерпретации этого концепта в смысле пространственного передвижения (пешком, на автомобиле, поезде, самолете), а также виртуального путешествия по электронным сетям (соотносимо с понятием «сетевое капитал»). Пространственная мобильность, возможность выехать за пределы своего повседневного локуса, увидеть другие социально-культурные контексты и встретиться с «совершенно другими» социальными акторами, обогащает социальный опыт человека, расширяет его социальный и культурный кругозор. В. Кауфман использовал для этого показателя термин «капитал мобильности» (*motility capital*) [37], тогда как Дж. Урри предпочел название «сетевое капитал»: «я называю этот капитал сетевым, чтобы прояснить следующее: лежащие в его основе мобильности сами по себе ничего не делают. Ключевой элемент здесь – социальные последствия этих мобильностей, а именно – способность заводить и поддерживать социальные отношения (и посещать особые места) с теми людьми, которые по большей части не находятся в близком соседстве, то есть, образовывать и поддерживать сеть» [38, с.360-362]. По мнению Дж. Урри, пространственная мобильность в большей степени соотносится с формой соединяющего (*bridging*) социального капитала (нежели с формами *bonding* или *linking* капитала)¹⁹.

В контексте нашего исследования целесообразно различать вынужденную и добровольную пространственную мобильность: если в первом случае территориальные перемещения могут сопровождаться негативными переживаниями человека и вызывать реакцию отталкивания и неприятия сложившейся ситуации, то в случае добровольной пространственной мобильности (путешествия, туризм, поездки на международные конференции, спортивные соревнования, фестивали, перемещения с целью встречи с разными людьми и т. д.)²⁰ человек испытывает позитивные эмоции и развивает социальные и культурные компетенции. Именно добровольные формы пространственной мобильности, сопровождающиеся культурным развитием человека и расширением сети социальных знакомств, следует рассматривать как важный показатель социокультурного капитала социальных акторов. Можно предположить, что те вынужденные мигранты, которые имели в прошлом опыт культурной пространственной мобильности (опыт путешествий, как международных, так и по Украине, опыт поездок на международные мероприятия), будут лучше адаптироваться к новому месту жительства, чем те мигранты, которые такого опыта не имели (не имели возможности или желания выехать за территориальные пределы своего предыдущего места жительства). При этом имеет смысл различать три режима перемещений – «локальный, национальный или межнациональный режимы циркуляции», которые могут по-разному влиять на уровень социального капитала акторов; «высокая подвижность обеспечивает возможности для циркуляции, увеличивая капитал у тех, кто ею обладает, и понижая у тех, у кого она ниже» [38, с.143].

¹⁹ «Ниточки слабых связей и дальних знакомств, основанных на периодических телесных перемещениях, соединяют людей с внешним миром, обеспечивая еще один мост, в дополнение к тесно переплетенным «клубкам» близких друзей и семьи. Эти экстенсивные слабые связи творят социальные сети, которые поддерживаются через периодические встречи и коммуникации. Подобные сети все больше распространяются по миру и, следовательно, в своем воспроизводстве все сильнее зависят от множественных мобильностей» [38, с.136].

²⁰ «В паттерны движения включены периодические личные соприкосновения с другими людьми (друзьями, родственниками, сотрудниками, коллегами, сетевыми «френдами»), местами (пляжами, городами, долинами рек, горами, озерами) и мероприятиями (конференциями, совещаниями, олимпийскими играми, фестивалями, выставками) [38, с.119].

В данном контексте уместно упомянуть полемику Дж. Урри с Р. Патнемом: последний рассматривал мобильность как неблагоприятный фактор, размывающий социальный капитал американцев: «стабильность проживания и такой коррелятивный феномен, как владение собственным жильем, явно связаны с более широким гражданским участием. Мобильность, подобно частой пересадке растений, влечет за собой разрушение корневой системы, и лишенному корней человеку требуется время, чтобы пустить новые корни. Вполне вероятно, что автомобиль, субурбанизация и миграция на крайний юг США ослабили социальную укорененность среднего американца» [17, с.74]. В то же самое время сам Р. Патнем усомнился в однозначности своего вывода, сославшись на другие данные, свидетельствующие о том, что стабильность проживания и а-мобильность также могут коррелировать с упадком социального капитала: «однако существует одна фундаментальная сложность, связанная с этой гипотезой: надежные данные демонстрируют, что показатели жилищной стабильности и домовладения в Америке выросли с 1965 года и стали выше, чем в 1950-е годы, когда гражданское участие и социальная связанность, согласно нашим измерениям, была определенно выше» [17, с.75]. Р. Патнем предложил еще один аргумент, который подтверждает дисфункциональность скорее а-мобильности, чем мобильности. Речь идет о «технологической трансформация досуга: есть основания полагать, что глубоко укоренившиеся технологические тенденции ведут к радикальной «приватизации» или «индивидуализации» нашего использования досуга, тем самым разрушая многие возможности формирования социального капитала. Наиболее очевидным и, вероятно, самым мощным инструментом этой революции стало телевидение. Исследования бюджета времени в 1960-е гг. показали, что увеличение времени на просмотр телевизионных программ затмило все другие изменения в том, как американцы проводили дни и ночи» [17, с.75]. Таким образом, скорее а-мобильное времяпрепровождение перед телевизором (а не пространственная мобильность) оказывает разрушительное воздействие на социальный капитал акторов.

Полемизуя с Р. Патнемом, Дж. Урри предложил несколько контраргументов: «во-первых, путешествие чрезвычайно важно для сообществ, даже тех, которым присущ относительно высокий уровень соседства и причастности; во-вторых, социальные сети непостоянных друзей у мобильных горожан могут генерировать социальный капитал [38, с.365]; в-третьих, и это самое важное, представляется совершенно неуместным утверждение Патнема о том, что доверие и взаимность рождаются исключительно в рамках соседских сообществ. Патнем игнорирует рост мобильности на дальние расстояния, особенно посредством автомобиля и самолета, так как конференции, праздники, семейные связи, диаспоральные отношения и работа становятся все более международными. Некоторые виды социального капитала зависят от экстенсивных поездок на дальние расстояния или от сетевого капитала; социальный капитал может зависеть от дальности, объема и режима мобильности. Телесное путешествие особенно важно для поддержания этих сопричастующих бесед лицом-к-лицу, для налаживания контактов и социальных связей, хотя бы и неравных, но длящихся долгое время» [38, с.366]. На наш взгляд, гипотеза Р. Патнема о негативном влиянии мобильности на социальный капитал верна относительно вынужденных форм пространственной мобильности, тогда как добровольные формы культурно-социальной мобильности способствуют обогащению и развитию социокультурного капитала социальных акторов.

Пространственная мобильность соотносится с возможностью изменения пространственных идентификаций социальных акторов, поэтому в процессе измерения социокультурного капитала вынужденных мигрантов в современной Украине, на наш взгляд, необходимо выяснить, каким характером обладает их пространственная идентичность – локальным, европейским или глобальным, с каким локусом они себя отождествляют (житель Донбасса, харьковчанин, украинец, европеец, гражданин всего мира; при этом целесообразно учитывать возможность гибридных форм²¹, к примеру, «житель Донбасса и харьковчанин», «житель Донбасса и европеец» и т. п.). В дальнейшем можно будет выяснить, какая именно форма пространственной идентичности в большей степени влияет на социальную адаптацию вынужденных мигрантов. Если принять во внимание тот факт, что «большинство современных локальных сообществ не имеют очевидной укорененности в данном месте, а выступают сложным продуктом миграций и культурных смешений; ... что современное локальное сообщество столь же детерриториализовано, как и глобальное» [39, с.29-30], можно предположить, что вынужденные внутренние мигранты в современной Украине будут обладать путанной/смешанной идентичностью, лишенной территориальной определенности.

Для измерения указанных показателей «капитала мобильности» (наличие опыта пространственных перемещений, тип пространственной идентичности) будем использовать следующие вопросы: «Имели ли Вы опыт поездок/путешествий до переезда? 1) поездки/путешествия в пределах региона; 2) поездки/путешествия в пределах Украины; 3) поездки/путешествия в страны бывшего СССР; 4) поездки/путешествия в европейские/азиатские страны; 5) поездки/путешествия на другие континенты».

²¹ Тему «гибридности» идентичностей анализировали В. Арбенина и О. Филиппова.

«Имели ли Вы опыт поездок/путешествий после переезда? 1) поездки/путешествия в пределах региона; 2) поездки/путешествия в пределах Украины; 3) поездки/путешествия в страны бывшего СССР; 4) поездки/путешествия в европейские/азиатские страны; 5) поездки/путешествия на другие континенты». «Что побуждало Вас к дальним поездкам до переезда: 1) мне было интересно узнавать новые места и людей; 2) мне был нужен отдых, я искал условия для этого; 3) я ездил в командировки или на заработки; 4) я ездил на обучение; 5) я никуда не ездил, потому что не было возможности; 6) я никуда не ездил, потому что не было желания или необходимости». «Что побуждает Вас к дальним поездкам сейчас: 1) мне интересно узнавать новые места и людей; 2) мне нужен отдых, я ищу условия для этого; 3) я езжу в командировки или на заработки; 4) я езжу на обучение; 5) я никуда не езжу, потому что нет возможности; 6) я никуда не езжу, нет желания или необходимости». «Вы ощущаете себя: 1) жителем Донбасса (жителем региона, из которого уехал); 2) харьковчанином (жителем региона, в котором сейчас проживаете); 3) гражданином Украины; 4) европейцем; 5) гражданином мира».

Социокультурный капитал – это совокупность социальных и культурных ресурсов социальных акторов (как индивидов, так и социальных групп/общностей), которые могут быть использованы для достижения определенных целей, получения прибыли и оптимизации социальных позиций. В статье были выявлены особенности и систематизированы эмпирические индикаторы социокультурного капитала вынужденных мигрантов, в результате чего было осуществлено различение показателей скрывающего (bonding), соединяющего (bridging) и связывающего (linking) социального капитала, выявлены акциональные аспекты объективированного модуса культурного капитала, показатели статической и динамической форм сертифицированного культурного капитала, когнитивно-языковые аспекты инкорпорированной формы культурного капитала, а также эмпирические показатели культурно-пространственной мобильности (наличие опыта пространственных перемещений, тип пространственной идентичности) вынужденных мигрантов.

В дальнейшем можно попытаться дать ответы на следующие вопросы: 1) социокультурный капитал обладает равновесной композицией либо в его воспроизводстве большую роль играет одна из капитальных форм (культурная или социальная форма капитала)? 2) в процессе воспроизводства социокультурного капитала конвертация является в большей мере односторонней (культурный капитал конвертируется в социальный, или наоборот) либо двусторонней (имеет место обоюдный процесс взаимной конвертации)? 3) какие бонусы предоставляет социальному актору обладание синтетической формой социокультурного капитала (а не социальным либо культурным капиталом по отдельности)?

ЛИТЕРАТУРА: 1. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* / Appadurai A. – Minneapolis; London: Univ. of Minnesota Press, 1996. – 229 p. 2. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования / Степаненко В. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2. – С. 24–41. 3. Шедяков В. Социокультурный капитал как условие активизации производительных сил общества / Шедяков В. // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – № 5. – С. 212–215. 4. Ноздренко Е. Социокультурный модус человеческого капитала / Ноздренко Е. А., Морозова О. Ф., Пантелеева И. А. // *Economic Annals-XXI*. – 2015. – № 7-8 (1). – С. 102–105. 5. Лушников О. Социокультурный капитал рода в современных условиях: социологический анализ / Лушников О. // Дис. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук по спец-ти 22.00.06 – Социология культуры. – Абакан, 2015. – 140 с. 6. Федотова Н. Теоретико-методологические векторы концепции социокультурного капитала / Федотова Н. // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 87. – Ч.1. – С. 127–130. 7. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74. 8. Радаев В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / Радаев В. // *Экономическая социология*. – 2002. – № 4. – С. 20–32. 9. Portes A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* / Portes A. // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – Pp. 1–24. 10. Голиков А. С. Концептуализация культурного капитала в современной социологии / Голиков Александр Сергеевич // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2008. – С. 51–58. 11. Голиков О. С. Культурні нерівності у відтворенні громадянської ідентичності сучасного студентства / Голиков О. // *Українське студентство у пошуках ідентичності: монографія* / за ред. В. Л. Арбеніної, Л. Г. Сокурянської. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – 520 с. 12. Lamont M. *Cultural capital: allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments* / Lamont M., Lareau A. // *Sociological Theory*. – 1988. – Vol. 6. – Pp. 153–168. 13. Putnam R. *The Prosperous Community: Social Capital and Public Life* / Putnam R. // *American Prospect*. – 1993. – № 13. – Pp. 35–42. 14. Lin N. *Building a Network Theory of Social Capital* / Lin N. // *Connections*. – 1999. – 22(1). – P. 28–51. 15. Borgatti S.P. *Network Measures of Social Capital* / Borgatti S.P., Jones C., Everett M.G. // *Connections*. – 1998. – 21(2). – P. 27–36. 16. Демкив О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операциональные параметры / Демкив О. // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2004. – № 4. – С. 99–111. 17. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community* / Putnam R. // *Journal of Democracy*. – January 1995. – Pp. 65–78. 18. Woolcock M. *The place of social capital in understanding social and economic Outcomes* / Woolcock M. // *Canadian Journal of Policy Research*, 2001. – № 2 (1). – Pp. 11–17. 19. Батаева Е. Условия коммуникативной солидарности в диверсифицированном обществе / Батаева Е. // *Гуманітарний часопис*. – 2015. – № 2. – С. 12–18. 20. Granovetter M. *The strength of weak ties* /

- Granovetter M. // *American Journal of Psychology*. – 1973. – № 78 (6). – Pp. 1360–1380. **21.** Woolcock M. Social Capital: the State of the Notion / Woolcock M. // *Social Capital: Global and Local Perspectives* / Ed. By J. Kajanoja, J. Simpura. – Helsinki: Government Institute for Economic Research. – 2000. – Pp. 15–40. **22.** Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Коулман Дж. // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С.122-139. **23.** Hawkins R. Bonding, Bridging and Linking: How Social Capital Operated in New Orleans following Hurricane Katrina / Hawkins R. Maurer K. // *British Journal of Social Work*. – 2010. – № 40. – Pp.1777–1793. **24.** Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / Бурдые П.; [пер. с фр. Н. Шматко] // Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С.33-52. **25.** Sanders J. Immigrant Self-employment: the Family as Social Capital and the Value of Human Capital / Sanders J., Nee V. // *American Sociological Review*. – 1996. – Vol. 61. – Pp. 231–249. **26.** Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с. **27.** Uslaner E. Trust and Consequences [электронный ресурс] / Uslaner E. // *Communitarian Summit*, February 1999, Arlington, VA. Режим доступа: <http://gvptsites.umd.edu/uslaner/commun.pdf> **28.** Uslaner E. Trust but Verify: Social Capital and Moral Behavior / Uslaner E. // *Social Science Information*. – 1999. – Vol. 38. – March. – Pp. 29–56. **29.** Українське суспільство. Моніторинг соціальних змін. – Київ: Інститут соціології НАН України, 2015. – 524 с. **30.** Адам Ф. Социальный капитал в европейских исследованиях / Ф. Адам, Д. Подменик // *Социологические исследования*. – 2010. – № 10. – С.35–48. **31.** Stone W. Measuring Social Capital. Towards a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life [электронный ресурс] / Stone W. // *Research Paper*. – №. 24, February 2001. – Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.178.5706&rep=rep1&type=pdf> **32.** Ціннісна складова модернізаційних процесів у сучасному соціумі України: кол. моногр. / [Балакірєва О.М., Геєць В.М., Сіденко В. Р. та ін.]; НАН України, ДУ «Ін-т екон. та прогнозів. НАН України». – Київ, 2014. – 340 с. **33.** Bowling A. *Measuring Health: A review of quality of life measurement scales* / Bowling A. – Buckingham: Open University Press, 1997. – 211 p. **34.** Большаков Н. Измерение культурного капитала: от теории к практике [электронный ресурс] / Большаков Н. // *Мониторинг общественного мнения*. – 2013. – № 118. Режим доступа: https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/85/150144018241c9ce67a83daebdaa0a8c9062e3e60a/2013_118_1_Bol'shakov.pdf **35.** Botezat A. The Cultural Capital of Immigrant Families and the Impact on Student Performance: Evidence from Germany / Botezat A. // *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2011. – Vol.11-2. – Pp.59–72. **36.** Ковалиско Н. Многомерный анализ социальной стратификации современного украинского общества (региональный аспект) / Ковалиско Н., Савчинский Р. // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2007. – № 3. – С.5–37. **37.** Kaufmann V. Motility: Mobility as Capital / Kaufmann V., Bergman M., Joye D. // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2004. – Vol. 28.4. – Pp.745-756. **38.** Урри Дж. Мобильности / Урри Дж.; [пер. с англ. А. Лазарева]. – Москва: Праксис, 2012. – 576 с. **39.** Мусиездов А. Территориальность современного общества / Мусиездов А. // *Социологический журнал*. – 2013. – № 4. – С. 21–34.